

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИСТОРИИ

Проаналізовано проблему епістемологічного статусу історії. Розглянуто розвиток позитивістської та постмодерністської парадигм в історії та необхідність переосмислення природи, цілей та завдань історичного дослідження виходячи з позицій конструктивізму.

Ключові слова: історія, позитивістська парадигма, постмодернізм, епістемологічний статус історії.

Проанализирована проблема эпистемологического статуса истории. Рассмотрено развитие позитивистской и постмодернистской парадигм в истории и необходимость переосмысления природы, целей и задач исторического исследования на позициях конструктивизма.

Ключевые слова: история, позитивистская парадигма, постмодернизм, эпистемологический статус истории.

The article analyzes the problem of the epistemological status of history. It examines the development of positivist and postmodernist paradigms in history and necessary to rethink the nature, objectives and goals of historical research on the positions of constructivism.

Keywords: history, positivism paradigm, postmodernism, epistemological status of history.

Любая область научного знания характеризуется некоторыми устойчивыми общепринятыми представлениями, которые проясняют ее суть и формируют понимание ее целей и задач. Общепринятым положением можно считать то, что историческая наука строится на следующих фундаментальных предпосылках.

1. Предметом истории являются события прошлого, которые историк называет историческими фактами.

2. Ее формой служит рассказ (повествование), обладающий внутренней структурой и сюжетом.

3. События прошлого раскрываются на основании исторических источников, т. е. свидетельств очевидцев, записанных непосредственно или пересказанных с чьих-то слов. Эти события также отражаются в памятниках материальной культуры и текущей документации.

4. Историки обладают принципиальной способностью извлекать эту информацию тем или иным способом, устанавливая историческую истину.

5. В гносеологическом плане история строится по определенным нормам, которые согласуются с обобщениями, описывающими развитие исторического процесса.

Однако, историческая наука в XX в. развивалась очень противоречиво. С одной стороны, именно в XX в. были созданы глобальные исторические теории, цивилизационный подход и исторический материализм. С другой стороны, во второй половине XX в. историческая наука рассыпалась на отдельные отрасли. В ней сегодня существует несметное количество разных направлений, представители которых все меньше понимают друг друга.

Эта тенденция усиливается в связи с постмодернистским вызовом, отличительной чертой которого, является приоритет языка над опытом, ведущий к открытому скептицизму относительно способности человека к наблюдению и истолкованию внешнего мира, особенно человеческого мира. В истории этот скептицизм проявляется в невозможности достоверной интерпретации прошлого.

В связи с этим возникает проблема существования истории в качестве целостной научной дисциплины, имеющей определенный эпистемологический статус. Иными словами, вопросы о надежности наших знаний о прошлом, способности историков быть объективными в его исследовании, достоверности и значимости исторических объяснений и т. д., в настоящее время вызывают острые споры в научной среде, зачастую инициируемые критикой извне.

Однако, несмотря на их актуальность и насущность в современной ситуации, в целом эти вопросы не являются чем-то совершенно новым в исторической науке. Статус исторического знания является предметом жарких споров среди философов со времен эпохи Возрождения. А к концу XIX века уже оформились два противоположных взгляда среди историков и философов на то, является ли история наукой (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Л. фон Ранке, Ф. де Куланж, Дж. Мишле). В XX веке среди участников этих споров и дискуссий можно назвать имена таких ведущих европейских историков как Дж. Коллингвуд, М. Блок, Л. Февр, Э. Карр, Дж. Элтон, Д. Тош и т.д. В русской и советской исторической традиции в них участвовали Н. И. Кареев, П. М. Бицилли, А. Я. Гуревич и др.

Таким образом, *целью данной статьи* является анализ эпистемологического статуса истории как одной из ведущих гуманитарных дисциплин, изучающих человека.

Доминирующим направлением в исторической науке XX в., имеющим наибольшее число сторонников, является позитивизм. Этот вывод не является случайным, поскольку значение идей позитивизма для практики исторической науки очевидно. Первостепенная обязанность историка состоит в сборе фактов о прошлом – фактов, подлинность которых устанавливается методом критического анализа первоисточников. В связи с этим позитивисты считают, что истинное *credo* историков может быть только одно: «история пишется по документам. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живущих людей... Ничто не может заменить документов, нет их – нет и истории» [3]. Взгляды и ценности, которых придерживается историк, не имеют к данному процессу никакого отношения; он должен сосредоточиться только на фактах и обобщениях, которые из них логически следуют.

Эта программа позитивизма, ориентирующаяся исключительно на сбор и накопление фактов с последующими из них выводами, была заложена ещё в работах О. Конта, который считал, что историки со временем откроют «законы» исторического развития. Современные позитивисты считают, что изучение истории само по себе не может «вычленить» ее законы; суть исторического объяснения связана, скорее, с правильным использованием обобщений. Исходя из этого, история предстаёт как кумулятивная дисциплина, в которой является возможным постоянное увеличение массива достоверного знания, а, следовательно, и расширение наших знаний о прошлом и настоящем. Такую позицию, в частности, отстаивал ведущий английский историк XX века Дж. Элтон [6].

Действительно свою задачу историки-позитивисты видят в том, чтобы дать как можно более достоверную реконструкцию событий прошлого. Поэтому они стремятся довести до совершенства технику внешней и внутренней критики источника, методику выявления подделок и недостоверных сведений. И на этом они останавливаются, считая, что, выявив перечень исторических фактов, можно «восстановить» прошлое, написать историю такой, какой она «была на самом деле».

Развитие позитивистской парадигмы в исторической науке сыграло важную роль в институционализации истории в начале XIX в. Как отмечает А. И. Филошкин: «Она была обусловлена двумя событиями: формулированием социологических законов и выделения источниковедения как базиса *Historiae Apodexis*. Первое связывается с появлением социологии как особой дисциплины и деятельностью О. Конта (1798–1857). Второе надлежит поставить в заслугу немецким герменевтам XVIII–XIX вв., прежде всего Ф. Шлейермахеру (1768–1834) и В. Дильтею (1833–1911), а также авторам первых методов критики источников – немцам Ф. А. Вольфу (1759–1824), Б. Г. Нибуру (1766–1831), Г. Вайцу (1813–1886), французам П. Дону (1761–1840) и др.» [3].

В европейских университетах (Берлине, Сорбонне) стали открываться кафедры истории, были основаны специальные исторические серии (например, *Monumenta Germaniae Historica* в 1815 г.). А затем начали выходить профессиональные исторические периодические издания (Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских в 1845 г., *Historische Zeitschrift* в 1859, *Revue historique* в 1876, *Rivista storica Italiana* в 1884, *English Historical Review* в 1886, *American Historical Review* в 1895).

Однако теоретические установки позитивизма постепенно начали подвергаться с разных позиций серьёзной критике. Прежде всего, в центре критического анализа оказалось утверждение позитивистов об «историческом факте» как некотором незыблемом и простом образовании, которое историк отыскивает и фиксирует исходя из критики источников. «Сама идея о «фактах» в истории порой вызывает возражения в связи с несовершенством стандартов их проверки: большинство из того, что проходит как «исторические факты» на самом деле зависит от вымыслов исследователя. Историки «читают между строк», или восстанавливают происходящее на основе нескольких

Філософія Філософія і політологія в контексті сучасної культури
противоречивых признаков, или ограничиваются установлением того, что автор документа, скорее всего, говорит правду» [1, с. 157].

Более того, число фактов, относящихся даже к какому-либо конкретному аспекту определенного исторического периода, оказывается практически неограниченным, и, соответственно, проверку всех фактов историк выполнить не может. Следовательно, факты не являются некоторой наличной данностью, но они есть следствие отбора. «Суть исторического исследования заключается в *отборе* «относящихся к теме» источников, «исторических» фактов и «важных» интерпретаций. На каждой стадии направленность и цель исследования определяются самим ученым в такой же степени, как и имеющейся информацией. Очевидно, что требуемое позитивистами жесткое отделение фактов от ценностей невозможно в научной практике» [1, с. 153].

Историку приходится избирательно подходить к источникам, и, следовательно, не «факты говорят сами за себя», а историк сам выбирает и устанавливает, что ставится историческим фактом, а что таковым не является. Любой исторический труд характеризуется как тем, что в него включено, так и тем, что туда не попало. В связи с этим можно согласиться с Э. Х. Карром, который проводил различие между фактами прошлого и историческими фактами: «Исторические факты не могут быть полностью объективными, ведь историческими они становятся лишь в силу значения, которое им придаёт историк» [5, с. 120].

Пересмотру и критике подверглась и другая, не менее значимая для позитивистов, установка – ориентация в истории на методы, подходы и стратегии познания, присущие естественным наукам. Представители французской школы «Анналов» (Л. Февр, М. Блок) были первыми, кто показал несостоятельность и ограниченность этой установки. Л. Февр отмечал, что в своих работах историки-позитивисты подменяли реальную жизнь людей текстами исторических памятников. Поэтому он призывал отказаться от сосредоточенности историков только на внешней политической истории, но существенно расширить поле исторического исследования, изучая ментальность (мысли, переживания, представления и т. д.) людей определённой исторической эпохи. Другой важной заслугой школы «Анналов» было широкое внедрение междисциплинарного подхода, т. е. привлечение к исследовательской работе историков представителей других дисциплин, особенно общественных наук – экономики, социологии, социальной психологии, географии и др. Признавая, что специалисты по этим дисциплинам занимаются, прежде всего, современными проблемами, Блок и Февр утверждали, что только с их помощью историки смогут выявить весь спектр важных вопросов, которые необходимо поставить при анализе источников.

Под влиянием так называемого «лингвистического поворота» в середине XX века стали развиваться совершенно новые направления в исторической науке. Основываясь на идеях структурализма и постструктурализма, возникла новая парадигма понимания истории и исторического исследования, которая получила название – «постмодернистская». Среди её основоположников можно выделить Х. Уайта, который в работе «Метаистория» (1973) представил историю как сугубо литературную дея-

Філософія і політологія в контексті сучасної культури Філософія
тельность, функционирующую в рамках определённых риторических правил [2]. Он проанализировал эти правила с точки зрения эстетики, и классифицировал исторические труды по двенадцати стилистическим разновидностям и четырем основным «тропам». Так же и К. Дженкинс в работе «Переосмысление истории» (2003) указывает на то, что «...нет такой вещи как корректный исторический метод и что история никогда не сможет удовлетворить свое стремление стать эпистемологией...» [7, с. 5]. К сторонникам постмодернистской парадигмы истории можно отнести М. Фуко, Ф. Анкерсмита, А. Данто и др.

Исходя из понимания языка как определенной структуры, определяющей наше представление о реальности, постмодернисты делают вывод о том, что объективный исторический метод, находящийся вне текста невозможен и существует лишь интрепретационный подход к любому виду реальности, будь-то реальность прошлого или настоящего. В связи с этим ими предлагается понятие «интертекстуальности», которое показывает, что тексты прошлого не должны рассматриваться в изоляции, а в любой конкретный момент мир текстов состоит из разнообразных видов производства, каждый из которых имеет собственную культурную обусловленность, категории и образцы использования.

Таким образом, любое историческое исследование, претендующее на объективность, бессмысленно, поскольку из исторических источников каждый историк может извлечь практический любой смысл. Не существует никаких методов и способов преодоления субъективности и неопределённости при прочтении текстов: «каждый имеет право на собственный взгляд».

В силу этого история полностью лишается упорядоченности и структурности, прошлое не удастся ни воссоздать, ни реконструировать. События и люди, в них действующие оказываются лишь плодом воображения историка, субъективными предпочтениями, взятыми из бесконечного множества возможных стратегий. По выражению К. Дженкинса, история превращается в «дискурсивную практику, позволяющую людям отправляться в прошлое, думая о современности, копаться там и перестраивать его в соответствии со своими потребностями» [7, с. 68].

Это полностью согласуется так же и с мнением Уайта: «Следует признать тот факт что, когда дело доходит до исторического документа, то сам он не содержит никаких оснований для предпочтения одного способа реконструкции его смысла другому» (цит. по [1, с. 174]). В связи с этим вполне приемлемым становится утверждение о том, что историки не раскрывают прошлое, они его выдумывают. Иными словами проверенная временем разница между фактом и вымыслом сходит на нет. «Постмодернистская историография, отказываясь от метанарративов, сознательно «теряет» Прошлое, подрывая, тем самым, его безусловную власть над настоящим» [4, с. 85]. Таким образом, если прошлое оказывается недоступным объективному исследованию, то историку следует полагаться лишь на своё воображение: «способность воображения следует понимать как способность преобразования прошлого, в ходе которых прошлое-само-по-себе становится образом прошлого, обладающим специфическим онтологическим статусом. Для историче-

Філософія Філософія і політологія в контексті сучасної культури
ской дисциплины это означает выведение прошлого непосредственно из каких-либо эпистемологических отношений и замещение его позиции многообразием воображаемого прошлого» [4, с. 87].

Развитие постмодернистской парадигмы привело к тому, что определяется как «дестабилизация» истории. Ставя под вопрос саму возможность объективного исследования, постмодернизм подрывает авторитет истории как науки. История в её традиционном понимании теряет всякое как теоретическое, так и практическое значение, поскольку она лишается какого-либо эпистемологического статуса. История не может сообщить никаких правдивых и достоверных знаний о прошлом, любое историческое объяснение превращается лишь в субъективную интерпретацию, она сближается с литературной деятельностью, в которой грань между реальным и воображаемым условна.

Возможен ли выход из этой кризисной ситуации, и в каком направлении его следует искать? Как отмечает А. И. Филлошкин, большинство историков предпочитают просто не замечать и игнорировать «лингвистическую критику» в исторической науке: «В сегодняшнем научно-историческом сообществе сложилась парадоксальная ситуация: о кризисе знают те, кто читает современную литературу. Для остальных его как бы не существует» [3]. В связи с этим по-прежнему в истории позитивистская парадигма сохраняет свои позиции. «Несмотря на то, что философы, да и сами историки на протяжении десятилетий доказывают, что история – конструкт, вера в то, что она является непосредственным воспроизведением реальности, остается удивительно прочной» [3].

Однако такая позиция не приводит к решению проблемы эпистемологического статуса истории, но лишь затягивает ее. Позитивистская парадигма в истории уже не может рассматриваться как конечное мерило строгости и научности. Следует искать новые пути и иные стандарты развития исторического знания, на которых оно вновь может обрести значимость, объективность и надежность. Исходным пунктом подобного рода поисков необходимо признать не позитивистский идеал «документальной истории», а тезис о том, что история – это конструкт, и лишь изучив законы создания этого конструкта, станет возможным воссоздать «настоящее» прошлое. В связи с этим первостепенное значение в истории приобретает методологический инструментарий таких гуманитарных дисциплин, как герменевтика, антропология, семиотика и т. д.

Таким образом, крайности релятивистского похода, свойственного постмодернизму, могут быть преодолены как в рамках теоретических аргументов, так и в ходе практического исторического исследования. Проверка фактов и строгое следование историческому контексту позволяют исследователю провести грань между подлинными событиями и нарративом, в котором они представлены. Также выполнимой оказывается и задача исторического объяснения, которая, основываясь на причинно-следственных моделях, позволяет раздвигать узкие рамки интертекстуальности. «История, – по справедливому замечанию Д. Тоша, – не образец реализма, но и не жертва релятивизма. Она занимает промежуточное положение, при котором научные методы совершенствуются с це-

Філософія і політологія в контексті сучасної культури Філософія
лю, как можно больше приблизить уровень исследования к «реальности» и максимально удалить его от «относительности» [1, с. 184].

Другим весомым теоретическим аргументом в пользу значимости и плодотворности исторических исследований является то, что история, как наука, выполняет важную социальную функцию. В идеале история трактуется как вербализованная память человечества. Создание истории, по сути, необходимо для осмысления нашего существования во времени, нужного для определения своего места в мироздании. Фундаментом исторических нарративов является тот факт, что люди им не просто верят, но они воплощают их, т. е. действуют на их основании. Поэтому можно придерживаться разных точек зрения относительно убедительности одних нарративов и безосновательности других. Но поскольку исторические нарративы формируют социальное действие – непрерывную линию, проходящую через прошлое, настоящее и будущее, то их эпистемологический статус оказывается довольно высоким.

Таким образом, можно сделать следующие *выводы*: 1) позитивистская парадигма в истории в настоящее время утратила свои позиции в связи с лингвистическим поворотом и основанной на нем постмодернистской критикой; 2) однако постмодернизм в силу присущего ему крайнего релятивизма не может сохранить эпистемологический статус истории как гуманитарной науки; 3) в связи с этим необходим поиск новых подходов к историческому исследованию на позициях конструктивизма.

Библиографические ссылки

1. **Тош Д.** Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. – М.: Мир, 2000. – 296 с.
2. **Тош Д.** Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Д. Тош. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 527 с.
3. **Филюшкин А. И.** Историческая наука в XX веке. Лекция / А. Филюшкин. – Режим доступа: <http://www.novist20w.narod.ru>.
4. **Шильман М.** Онтологическое многообразие прошлого / М. Шильман // Науковий вісник Чернівецького університету. – Вип. 350–351. Сер. «Філософія». – Чернівці: Рута, 2007. – С. 83–89.
5. **Carr E. H.** What is History? / E. H. Carr. – Penguin, 1964. – 128 p.
6. **Elton G. R.** The Practice of History / G. R. Elton. – Wiley-Blackwell, 2002. – 224 p.
7. **Jenkins K.** Rethinking History / K. Jenkins. – London: Routledge, 1991. – 77 p.

Надійшла до редколегії 27.02.2012

УДК 17.02